

На правах рукописи

Воробьева Марина Евгеньевна

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТОЛКОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ РЯДОВЫМИ
НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2014

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.

Научный руководитель: *Голев Николай Данилович*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

Наумов Валерий Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

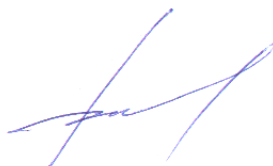
Защита состоится 20 декабря 2014 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета на сайте <http://www.kemsu.ru>.

Автореферат разослан _____ 2014 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте КемГУ: http://kemsu.ru/Disser/Index?pageid=3510&moduleid=4260&advertexaminesandidatedegreeid=166&alias=http%3A%2F%2Fkemsu.ru%2Fpages%2Fd01_dis_new

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.В. Артемова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Выполненное исследование посвящено изучению юридического языка в его терминологической составляющей. Непосредственным предметом исследования является интерпретационное функционирование юридических терминов в обыденном языковом сознании. В качестве форм, которые репрезентируют результаты интерпретирующей деятельности, выступают как метаязыковые (логико-понятийные) формы, так и спонтанные ассоциативные реакции. Из сопоставления данных форм репрезентации содержания терминов вытекает основная цель, задачи и гипотеза нашего исследования.

В настоящее время функционирование юридического языка, связанное с толкованием текста закона и его составляющих – юридических терминов, является преимущественно предметом юриспруденции: теории государства и права (правотворчество, толкование права), юридической герменевтики, в то же время его многосторонний характер для выявления и описания полной картины данного феномена предполагает выход за рамки сугубо юридического предмета и рассмотрение его как лингвистического, психологического, философского (герменевтического) феноменов.

Актуальность данной работы определяется необходимостью системного многоаспектного исследования проблемы обыденного функционирования юридического языка, характеризующегося неизбежной множественностью интерпретации всех его компонентов, в том числе терминологии. Необходимость исследования различных факторов множественной интерпретации терминов связана с разнообразием форм интерпретирующей деятельности, являющимися причиной вариативности ее результатов, в частности – с взаимодействием логической и чувственной сторон сознания интерпретирующего субъекта: за логической стороной стоит официальное толкование права, за чувственной – преимущественно обыденное метаязыковое сознание, обуславливающее в значительной мере обыденное филологическое толкование права (текста закона).

В мировой юридической науке сложились две точки зрения на статус естественного языка, который используется в правовой сфере. Одна из них заключается в том, что язык правовых текстов рассматривается как особый юридический язык, предназначенный для специалистов с соответствующим образованием, профессионалов (А. Шнитцер, О. Гирке, В. Гедеман), а другая – в том, что язык права – это подстиль литературного языка, который должен быть понятен всем носителям русского языка, т.к. законопослушание предполагает законопонимание (А.А. Ушаков, А.С. Пиголкин, С.С. Алексеев, Н.И. Хабибулина, Д. Меллинкофф, Й. Гемар, Г. Маттила).

Особенность функционирования естественного языка в юридической сферезаключается в том, что он используется для реализации специфического содержания правовой коммуникации, которая, будучи ориентированной на аристотелевскую формальную логику, предполагает однозначность восприятия, отсутствие множественности интерпретации. Антиномическое бытие естественного языка, стихийность законов его существования, полевое

устройство семантики языковых единиц вступают в противоречие с жесткой семантизацией языковых единиц, используемых в юридическом языке, с предписательным императивом понимания юридических текстов. Понимание правовых норм рядовыми носителями языка не всегда соответствует правовой идее, заложенной законодателем в правовом тексте (в частности – в тексте закона), вследствие чего возникает потенциал коммуникативной неудачи.

Глубина преобразований, которым подвергается естественный язык, попадая в сферу правового функционирования, позволяет рассматривать функциональную юридическую разновидность современного русского языка как «самостоятельную подсистему» (Голев 1999). Юридический язык, как и другие феномены языко-правовой зоны, обладает «специфическим качеством, невыводимым в полной мере из литературного субстрата» (Голев 2004).

Юридические тексты, конструкции, термины, составляющие содержание юридического языка, амбивалентны. Юридические термины, будучи языковыми по сути, являются смысловым фундаментом правовых текстов, они непосредственно связаны с регулятивной функцией права, залогом реализации которой является эффективное действие и применение правовых норм.

Под *юридическими терминами* мы понимаем «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» (Большой юридический словарь 2010).

Большинство современных исследований, посвященных юридическим терминам, выполнены в рамках *системоцентрического* и *ортоцентрического* подходов (Т.М. Балыхина, Р.И. Паисьева, А.С. Пиголкин, Е.Б. Ершова, А.А. Денисова, С.П. Хижняк, Д.И. Милославская и др.). Основными аспектами изучения являются следующие: структурно-семантический, ортологический, парадигматический, функционально-стилистический.

Среди прочих подходов следует отметить *антропоцентрический* подход, учитывающий личность адресата (Е.В. Малюкова), и *прагмалингвистический*, направленный на исследование функционирования юридических терминов в различных речевых актах (М. Галдия, М.С. Бульба).

Важным является подход, в рамках которого изучаются процессы *терминологизации* и *детерминологизации* юридических терминов, т.к. данные процессы – проявление взаимодействия естественного и юридического языка.

Несмотря на разносторонность исследований, посвященных юридической терминологии, многие важные вопросы остаются актуальными. Одним из таких вопросов является изучение множественности интерпретации (толкования) юридических терминов рядовыми носителями языка. С учетом потребителей и перлокутивного эффекта реальное функционирование юридических терминов может быть весьма дистанцированным от авторского замысла и приоритетов.

Онтологической основой проблемы исследования является противоречие между требованием юридической техники, направленной на достижение однозначности уяснения и толкования юридических терминов, и

неизбежным отсутствием однозначности в герменевтике естественной коммуникации. Мы исходим из того, что обыденное толкование не может осуществляться иначе, чем в режиме объективной, закономерной и неизбежной смысловой вариативности и множественности форм репрезентации содержания текстов и терминов как их компонентов.

В **гносеологическом плане** необходимость такого рода исследований обусловлена тем, что теоретики права сосредоточены в основном на изучении официального толкования текстов закона. Что касается обыденного толкования, то оно редко становится предметом изучения как в теории государства и права, так и в теоретической лингвистике. Однако в последнее время появились работы, в которых обыденному виду толкования права и филологическому способу его осуществления уделено специальное внимание (Л.В. Соцуро, Ю.С. Ващенко, О.М. Смирнова, Н.В. Белоконов, Д.П. Великий, И.В. Колесник, Н.Д. Голев). В них ставится задача системного изучения обыденного толкования текста закона и филологического способа его осуществления (грамматического, языкового, лингвистического). Возросший интерес к данным проблемам связан с признанием языковой сущности права. Толкование права предполагает в первую очередь толкование правового текста и его ключевых слов – юридических терминов, которые являются основным пластом лексики языка законодательства. Особенно нуждается в изучении вариативность содержания юридических терминов и множественность форм его репрезентации.

Периферийный статус обыденного толкования права в юридической науке обусловлен также несовпадением презумпций при подходе к понятию правовой коммуникации и коммуникативного акта у теоретиков, практиков юриспруденции (С.И. Архипов, Е.Б. Макушина, Е.А. Романенко, Е.А. Романова) и у лингвистов, исследующих функционирование естественного языка в специальных сферах (Н.Б. Лебедева, Н.Д. Голев). Теоретики и практики права сосредоточены на деятельности автора правового текста, воплотившего свое намерение (иллокуцию) в речевом произведении, они уделяют недостаточно внимания перлокуции – реальному функционированию правовых текстов и терминов в сознании рядовых носителей языка. Изучение правовой коммуникации с позиции личности адресата предполагает, во-первых, признание неизбежности субъективизма интерпретации и множественности интерпретационных результатов, во-вторых, признание необходимости учета фактора адресата в законотворческой и законоприменительной деятельности.

Таким образом, **объектом** данного исследования является в широком смысле юридический язык, в узком – юридическая терминология, **предметом** исследования выступают варианты интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка.

В проводимом исследовании поставлена следующая **цель**: выявление и описание особенностей интерпретации (толкования) юридических терминов в обыденном сознании в аспекте ее вариативности, а также разработка типологии вариантов интерпретации.

Подинтерпретацией (толкованием) речевых произведений вслед за В.З. Демьянковым мы понимаем целенаправленную когнитивную деятельность и одновременно результат в установлении смысла речевых действий – актуализированного речевого значения в рамках ситуационной ситуации.

Толкование и интерпретацию мы рассматриваем как аспектуальные синонимы, отражающие сущность данных феноменов с юридической и лингвистической стороны соответственно.

В основе работы лежит теоретическое положение о специфичности обыденной интерпретации. Важнейшим проявлением ее специфики является неизбежная множественность вариантов интерпретации содержания юридических терминов. Множественность интерпретации обусловлена как объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т.д.), так и лингвоперсонологическими особенностями реципиента (индивидуальными и типовыми), активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1) рассмотреть параметр вариативности-единственности толкования как ключевой в оппозиции официального и обыденного толкования;

2) определить объективные и субъективные факторы, обуславливающие множественность интерпретации (толкования);

3) путем лингвистического эксперимента выявить обыденные значения юридических терминов и сопоставить их с нормативными, зафиксированными в специальном словаре юридических терминов;

4) рассмотреть формы репрезентации содержания юридических терминов;

5) проанализировать стратегии толкования семантики данных терминов, применяемые рядовыми носителями языка.

В основе работы лежит **гипотеза** о том, что ключевым фактором, обуславливающим множественность интерпретации юридических терминов, является разная природа профессионального и обыденного толкования, в частности – преобладание в обыденном толковании чувственного начала, которое способствует расширению интерпретационного поля, что, по нашему предположению, должно проявляться в смысловой вариативности и использовании различных форм репрезентации содержания терминов.

Методика обоснования гипотезы исследования – лингвистический эксперимент, включающий два этапа: дефиниционный и ассоциативный. Данный эксперимент направлен на выявление вариативности интерпретации юридических терминов рядовыми носителями русского языка и влияния на него чувственной и логической форм познания.

Испытуемым для интерпретации (толкования) были предложены термины Конституции Российской Федерации. На первом этапе эксперимента им предлагалось сформулировать значение терминов. На втором – испытуемых просили написать ассоциации, которые вызывают термины. Для обработки полученных результатов использовался **метод** научного описания, включающий классификацию, сопоставление, количественную обработку данных.

Эмпирическая база исследования составляет 3000 реакций-ответов на 30 терминов Конституции Российской Федерации. Использование данных терминов в качестве стимульного материала исследования обусловлено тем, что Конституция – основной закон Российской Федерации, имеющий высшую юридическую силу, применяющийся на всей территории государства, поэтому понимание смысла и содержания данного закона всеми гражданами является обязательным. Кроме того, терминология Конституции – общеправовая, объединяющая термины, функционирующие во всех отраслях законодательства, выражая и обозначая понятия широкого обобщенного значения.

Признаком терминологичности, взятом в нашем исследовании в качестве критерия отбора материала, является закрепленность термина в Большом юридическом словаре.

Состав испытуемых. В лингвистическом эксперименте приняли участие 300 испытуемых – преимущественно студенты ФГБОУ ВПО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности» и ФГБОУ ВПО «Российский торгово-экономический университет».

Научная новизна настоящей работы состоит в исследовании особенностей обыденного толкования юридических терминов в аспекте множественности интерпретации. Обыденная семантика терминов выявлена с использованием метода лингвистического эксперимента, участниками которого стали рядовые носители русского языка. Дефиниционный и ассоциативный этапы эксперимента направлены на актуализацию использования различных стратегий толкования – дефиниционной и ассоциативной соответственно.

Обосновано положение о закономерности и неизбежности вариативности форм и содержания юридических терминов в процессе их функционирования в сознании рядовых носителей языка и метаязыковой деятельности. Предпринята попытка снять с обыденного толкования и субъективно-множественного способа его существования негативные оценки, представить в объективистском модусе.

Теоретическая значимость определяется вкладом в изучение обыденного филологического толкования, которое крайне редко выступает предметом исследования как юридической науки, так и теоретической лингвистики. Имеющиеся работы в основном сосредоточены на нормативной стороне толкования юридических терминов и текстов, в то время как их реальное функционирование остается в тени.

Научные результаты вносят вклад в теорию юридической лингвистики, в том числе лингвоконфликтологии и лингвоэкспертологии, деятельность которых часто связана с исследованием спорных, неоднозначно толкуемых текстов.

Результаты исследования значимы и для развития вариантологии: выявлено, что вариативность семантики юридических терминов и форм репрезентации их содержания обусловлена одновременно объективными языковыми факторами и многообразием типов языковых личностей, особенностями применяемых ими интерпретационных стратегий.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его результаты найдут применение в законотворческой деятельности –

в процессе создания текстов закона, в законоприменительной деятельности – при решении проблем, связанных с толкованием текстов закона, а также в практике лингвистических экспертиз. Полученные результаты могут использоваться в учебных курсах для студентов лингвистических и юридических специальностей. Материал исследования может стать основой для создания Словаря обыденных толкований специальной лексики.

На защиту выносятся следующие положения:

1) обыденная интерпретация терминов – необходимая и важная форма ментального существования юридического языка в языковом сознании общества;

2) перлокуция является сущностным этапом правовой коммуникации, который требует применения к нему конкретно-исследовательского подхода для выявления закономерностей перлокуции и дальнейшего их использования в практике правовой коммуникации, т. к. реальное функционирование правовых текстов и терминов может существенно отличаться от замысла законодателя;

3) конфликт интерпретаций, обозначенный П. Рикером, имеет особую значимость в контексте правовой коммуникации, призванной регламентировать и регулировать общественные отношения; он актуализируется в оппозиции официального (нормативного) и обыденного толкования права (текста закона);

4) главным параметром противопоставления нормативно-юридического и обыденного толкования является параметр вариативности-единственности толкования (интерпретации): нормативно-юридическое толкование ориентировано на однозначность результатов интерпретации, обыденное толкование характеризуется множественностью вариантов интерпретации;

5) в основе противопоставления нормативно-юридического и обыденного толкования юридических терминов лежит оппозиция рационально-логической и чувственной форм репрезентации содержания данных терминов, что отражено в следующих оппозициях: понятие и представление, дефиниция и ассоциация, лексикографическое и реальное значение;

б) обыденные метаязыковые дефиниции и ассоциативное поле одного и того же юридического термина имеют как зону пересечения, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания.

Апробация результатов исследования. Концепция, основные положения и результаты исследования докладывались на научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Образование, наука, инновация – вклад молодых исследователей» (КемГУ, Кемерово, 2009, 2010), Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология» (МГУ, Москва, 2010, 2011), Международный форум по проблемам науки, техники и образования (Москва, 2011), Международная студенческая научно-практическая конференция «Современные научные парадигмы языка, литературы, юридической лингвистики и документоведения» (Луганский государственный университет внутренних дел имени Е.О. Дидоренко, Луганск, 2010, 2011), Всероссийская

конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, Томск, 2011).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 1 разделе коллективной монографии, в 48 авторских словарных статьях «Словаря обыденных толкований русских слов», 3 статьях в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, 8 публикациях в сборниках научных трудов и материалов международных конференций. Общий объем – 15,02 п.л.

Материалы внедрены и используются в учебном процессе Кемеровского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» по направлению подготовки «Юриспруденция» (профили подготовки: «Государственно-правовой», «Гражданско-правовой», «Уголовно-правовой») по дисциплине «Теория государства и права».

Личный вклад соискателя заключается в постановке цели и задач исследования, в обосновании положений, выносимых на защиту, в разработке методики исследования и ее реализации на конкретном материале, в интерпретации полученных результатов.

Структура работы. Диссертация изложена на 164 листах и состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень ее разработанности, формулируются проблема и гипотеза исследования, определяются его цели, задачи, объект и предмет, характеризуются методы исследования, материал и источники, указываются научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема интерпретации (толкования) юридического языка и его единиц в науке», включающая три раздела, посвящена изложению общей теоретической концепции исследования.

В первом разделе отмечается, что термин «толкование» в юриспруденции стал более актуален, чем термин «интерпретация». Толкование текста закона и его ключевых слов (юридических терминов) в теории государства и права рассматривается в более широком контексте – как толкование правовых норм, один из механизмов осуществления правовой коммуникации.

Толкование права является одной из наиболее древних и традиционных проблем юридической науки. Разработке данной проблемы посвящены работы таких теоретиков права, как С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко, А.С. Пиголкин, В.В. Лазарев, А.Ф. Черданцев и др. Исследованию в этих работах подвергается в основном юридическая техника – совокупность определенных приемов, правил, методов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых актов, так и при их претворении в жизнь. Также в центре внимания находится та часть проблемы толкования текста закона, которая связана с официальным

толкованием и властной деятельностью субъектов праворазъяснительной работы. Неофициальное же толкование до сих пор зачастую выпадает из поля зрения исследователей. Особенно это касается обыденного толкования, которое по существу остается неисследованным. Имеются лишь отдельные замечания о нем. В качестве исключения можно выделить учебное пособие Л.В. Соцура «Неофициальное толкование норм права», в котором один из разделов посвящен социальной и юридической природе обыденного толкования.

Основной конфликт интерпретаций законодателя и рядового носителя языка состоит в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а рядовой носитель языка может усмотреть несколько достаточно обоснованных вариантов толкования.

Большинство исследователей рассматривают множественность интерпретации как стихийное явление, препятствующее коммуникации, следовательно, требующее преодоления и устранения (И.А. Ильин, И. Сабо, Е.В. Васьковский). Сторонники однозначного толкования ориентированы прежде всего на законодателя, на установление его воли, оформленной посредством текста правового акта, они не учитывают особенности восприятия и толкования норм права рядовым реципиентом.

Сторонниками умеренного отношения к многозначности интерпретации закона являются И.Н. Грязин и М. Галдия, допускающие множественность интерпретации, но в то же время вырабатывающие стратегии ее преодоления.

Многие отечественные и зарубежные исследования в области юридической науки и практики базируются на инструменталистской концепции языка, в соответствии с которой язык выступает в роли пассивного фациента – средства, материальной оболочки, в которую оформляется мысль и воля законодателя, выступающие впоследствии объектом толкования (А.Ф. Черданцев, Н.В. Белоконь). В этой связи правовая коммуникация понимается как односторонний процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю (Н.Г. Храмцова).

Сторонники антропоцентризма, напротив, отмечают особую значимость перлокутивного эффекта – воздействия на адресата, а язык рассматривают как феномен, направляющий деятельность носителя языка. Объектом толкования является не воля законодателя («дух» закона), а воля закона («буква» закона), которая существует отдельно и независимо от воли создателя закона (П.Е. Недбайло, А.С. Шлопочников, С.С. Алексеев, Н.С. Таганцев).

В отечественном правоведении усиливается понимание коммуникативной природы права (А.С. Александров, А.В. Поляков), его «языковление» (С.С. Алексеев, Н.А. Любимов, В.Ю. Туранин). Язык не просто компонент юридической техники, а основная форма бытия права, субстрата юридической деятельности. А.С. Александров вводит концепт «право=текст», который предполагает несколько иное понимание отношений между текстом закона, интерпретацией и правом – это три составляющих единого неразрывного целого. Толкование права подразумевает толкование правового текста и

отдельных его компонентов. Принципиальным является сдвиг представлений о понимании смысла адресатом от автороцентрического к адресатоцентрическому.

Во втором разделе представлен философский контекст проблемы интерпретации речевых произведений: интерпретация рассматривается как смыслопорождение, включающее «смещение горизонтов» автора и читателя (герменевтика – Г.Г. Гадамер, П. Рикер), как конструирование, выстраивание смысла читателем (рецептивная эстетика – Г.-Р. Яусс, В. Изер), как «свободная игра» (постструктуралистско-постмодернистская концепция – М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида), как «диалектика прав» автора, читателя и текста (семиотические теории интерпретативного сотрудничества – У. Эко).

К базовым положениям нашего исследования относится идея о том, что интерпретатор является активным субъектом восприятия, деятельность которого направлена не столько на расшифровку текстового кода, сколько на достраивание смысла. Автор, текст, интерпретатор имеют собственные интенции, диалектика которых лежит в основе выявления текстового смысла.

Потенциал смысловой множественности текста не является недостатком, он активизирует читательскую интерпретационную деятельность. С этими идеями перекликаются современные синергетические концепции, согласно которым хаос и беспорядок в мироустройстве есть такая же позитивная и конструктивная ценность, как и порядок, гармония.

В третьем разделе рассмотрены основные подходы к множественности понимания и интерпретации речевых произведений. Так, с позиций логико-лингвистического (логико-рационалистического) подхода стоит задача создания «лингвистических нормативных систем рассуждения», поскольку реципиент, стремящийся понять рассуждение, обязан знать правила получения вывода, соблюдать прагма-семантические постулаты аргументации (Л.Г. Васильев).

При системно-семиотическом подходе проблема множественности интерпретации связана с тем, что язык принадлежит к семиотическим системам, а слова являются языковыми знаками, дуалистическая природа которых и сам механизм связи означающего и означаемого предопределяют возможность одного означающего быть соотношенным с несколькими означаемыми (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, С.К. Огден и И.А. Ричардс, Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис). Данное свойство обусловлено не только отношениями «означаемое – означающее», но и «знак – знак», «знак – референт», «знак – интерпретатор». Асимметрия означаемого и означающего, сочетаемостный потенциал знака, его функционирование в языковом и персонологическом пространстве предопределяют вариативность интерпретации.

В рамках лингво-герменевтического подхода смысл рассматривается в качестве результата понимания, интерпретации, принимающей форму диалога автора и читателя (Г.И. Богин, Т.Е. Заботина, Н.Л. Галеева, А.А. Богатырев).

Когнитивный подход предполагает разработку ментальных моделей дискурса (П. Джонсон-Лэрд, Т.А. ван Дейк, У. Кинч). Эксплицитное содержание дискурса обычно представляет собой только общий план: от читателя или слушателя зависит то, как он дополнит его деталями.

Значение и смысл выражения являются результатом интерпретирующей деятельности человека, обладающего конкретным багажом знаний, презумпций и предпочтений в выборе стратегии интерпретирования, а также обладающего внутренним миром, который в большей или меньшей степени определяет интерпретации и определяется ими (Демьянков 1990).

Интерпретация текста в психолингвистической традиции базируется на фундаментальных концепциях Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии. Текст трактуется как ориентировочная основа сложной и многосторонней психической деятельности активного и пристрастного субъекта этой деятельности, протекающей при взаимодействии памяти, мышления, внутренней речи и т. д. Понятие проекции текста, введенное Н.А. Рубакиным, получило развитие в работах Ю.А. Сорокина, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева (образ содержания текста). Под проекцией текста понимается ментальное образование, продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом.

Подход к интерпретации текста с позиций психоэстетики учитывает три ключевых момента: 1) автор, предполагая наличие читателя, опирается на конвенциональную семиотическую систему – язык; 2) эстетическая ценность художественного текста как произведения искусства, продукта эстетической деятельности; 3) смысл текста выявляется только в процессе его восприятия.

Понимание текста предполагает построение определенной релевантной структуры смыслов в концептуальной системе реципиента на базе языковых значений, выступающих для реципиента средством конвенциональной ориентации в концептуальной системе автора текста (В.А. Пищальникова, Р.И. Павилёнис).

Проведенное исследование литературы показало, что большинство работ, посвященных толкованию (интерпретации), имеют теоретический, абстрактно-философский характер. Предметом их изучения становится преимущественно нормативное толкование, обыденное же толкование и филологический способ его осуществления крайне редко рассматриваются в теоретическом плане, а в конкретно-исследовательском плане и вовсе остаются неизученными.

Ключевым в оппозиции нормативного и обыденного толкования является параметр вариативности-единственности толкования. Нормативное толкование строится в основном на постулате однозначности результатов толкования как его идеале, а обыденное толкование характеризуется множественностью интерпретации, следовательно, прямо или косвенно трактуется как неидеальное, некачественное, периферийное.

Вариативность интерпретационной деятельности реципиента и ее результат – экспликация смысловой множественности текста и отдельных его компонентов – детерминированы факторами индивидуально-психологического (особенности реципиента) и объективно-структурного характера (объективные свойства языка и языковых знаков).

Множественность интерпретации детерминирована спецификой объекта интерпретации – текста, а также интерпретационным потенциалом языка в целом, такими его свойствами, как вариативность, асимметрия формы и

значения языкового знака, условный и отражательный характер значения языковой единицы, референциальная неопределенность языкового знака.

Потенциальная множественность вариантов интерпретации обусловлена также свойствами субъекта интерпретации – адресата речевого произведения. Многообразие типов языковой личности адресатов, их интенциональность, особенности применяемых ими интерпретационных стратегий, отражающих знания, жизненный опыт, языковую компетентность и языковую способность, – все это способствует возникновению множественности интерпретации.

Как уже отмечалось ранее, при интерпретации текста неизбежно возникает проблема толкования отдельных слов, прежде всего – ключевых слов, на которых базируется восприятие текста. Для юридического текста такими ключевыми словами являются юридические термины.

Интерпретация юридических терминов требует специального изучения с участием рядовых носителей языка, т. к. реальное функционирование терминов может существенно отличаться от авторских интенций.

Во второй главе «Экспериментальное исследование обыденных толкований юридических терминов» представлены ход и результаты лингвистического эксперимента с участием рядовых носителей языка.

В первом разделе рассмотрены основные подходы и аспекты изучения юридических терминов. Особо отмечено, что совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка, т. к. представления, присущие обыденному сознанию, неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями. По словам Н.Д. Голева, «в этой коллизии заключены серьезные причины конфликтов в юридическом функционировании языка в обыденной сфере» (Голев 2008).

Одно и то же содержание юридических терминов в сознании рядовых носителей русского языка может быть репрезентировано в разных формах, что зависит от ситуации, контекста, типов сознания и уровней подготовки субъекта интерпретации. В качестве таких форм для отдельно взятого термина могут выступать понятие и представление, дефиниция и ассоциация, реальное значение и нормативное, концепт, причем содержание юридического термина будет репрезентировано с разной степенью полноты, точности и глубины.

Второй раздел посвящен различным формам репрезентации содержания юридических терминов и стратегиям толкования. Юридическое содержание представлено прежде всего в логической форме понятия, выражаемого терминами. Особенность понятий заключается не только в объеме (наборе признаков) и качестве (степени существенности), но и форме ментального существования содержания и формы его экспликации. Понятие со стороны формы представляет собою расчлененное на признаки знание о предмете или явлении. Представление предполагает единый, целостный образ, в котором признаки предмета или явления даны в слитной, нерасчлененной форме.

Основной формой экспликации понятия является дефиниция. Дефиниция – форма репрезентации лексического значения слова, предполагающая

перечень признаков-сем, следовательно, связанная с понятийным содержанием. Представление, будучи чувственной формой мышления, тяготеет к такой бессознательной форме экспликации содержания слова, как ассоциации. Под ассоциацией понимаем форму репрезентации лексического значения слова, представляющую собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул.

Дефиниция является основой дефиниционной стратегии толкования семантики слова, соответственно ассоциации – ассоциативной стратегии. Под стратегией толкования мы вслед за А.Н. Ростовской понимаем «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» (Ростова 2000).

Оппозиции понятия и представления, дефиниции и ассоциации связаны с проблемой разграничения лексикографического и психологически реального статусов значения (Попова, Стернин 2006). В терминологии Н.Д. Голева данная проблема обозначена как оппозиция реального и нормативного значения. Под лексикографическим (нормативным) значением юридических терминов понимается специальное значение, зафиксированное в словаре юридических терминов. Такое значение является воплощением системного подхода к норме: лексикограф предписывает, как рядовой реципиент должен понимать тот или иной термин, какой минимум семантических признаков должен быть актуален. Однако перлокутивный эффект реального функционирования юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка может существенно отличаться от авторских интенций – замысла законодателя.

В третьем разделе отражены задачи и этапы лингвистического эксперимента. Данный эксперимент предполагает развертывание метаязыковой деятельности говорящего, объектом которой выступает интерпретируемое слово. Он позволяет актуализировать смысловые варианты семантики слова, его признаки, подлежащие метаязыковой рефлексии рядовых носителей языка.

Лингвистический эксперимент включал два этапа: дефиниционный и ассоциативный. Данные этапы направлены на актуализацию использования дефиниционной и ассоциативной стратегии толкования юридических терминов.

В ходе эксперимента мы не расшифровывали понятия «юридический термин», старались свести к минимуму и комментарии к заданиям, т. к. при подробном объяснении мы могли получить результаты, обусловленные во многом примерами, следовательно, не представляющие научной ценности. Полученные реакции были выражены в виде слова в любой форме, в виде словосочетания, предложения, иногда использовались цифры, знаки, рисунки.

Коммуникативное задание дефиниционного эксперимента заключалось в истолковании значения юридических терминов рядовыми носителями языка. В результате эксперимента получено 1500 реакций-ответов. После чего нами проводился семный анализ полученных толкований. В скобках указано количество студентов, которые отметили данные семы. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в

определениях, данных в словаре юридических терминов. Далее следовало выявление и описание особенностей обыденного толкования терминов.

В ходе ассоциативного эксперимента испытуемым были предложены анкеты, содержащие вопрос: Какие ассоциации вызывают у Вас данные слова? Испытуемым не давалось никаких ограничений на словесные реакции. При этом учитывались только первые ассоциативные реакции как наиболее достоверные, т. к. остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на слово-стимул, а на предыдущую реакцию. В результате эксперимента было получено 1500 реакций-ответов. Синонимичные слова, варианты слова (например, закон – законы), включая и синтаксические варианты, считаются разными реакциями, которые располагаются в порядке частотности.

Цель ассоциативного эксперимента – построение ассоциативного поля (термин ввел в лингвистику Ш. Балли), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации. Полученные ответы были упорядочены по полемому принципу – ядро, ближняя и дальняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне определяется частотой употребления (яркостью) признака. В конце данного блока указаны итоговые цифры: общее число реакций, данных на слово-стимул; суммарное число разных ответов; число «отказов», т. е. количество испытуемых, которые оставили данный стимул без ответа. Далее следовала семная интерпретация ассоциатов и полевой анализ полученных сем.

В четвертом разделе представлены результаты дефиниционного эксперимента. Отвечая на вопрос о значении слов, испытуемые пытались дать определение понятию, стоящему за юридическим термином. Эти определения в разной степени оказались приближенными к классическим (отождествление, позволяющее рассматривать объект как элемент определенного класса, вида, и выделение существенных, отличительных свойств и качеств объекта), но многие из них представляют определения в трансформированном виде.

В качестве примера в таблице 1 отражено юридическое и обыденное толкование термина «закон».

Таблица 1. Толкования юридического термина «закон»

Термин	Юридическое толкование	Обыденное толкование
Закон	1.1 Юридический акт, 1.2 принятый высшим представительным органом государственной власти 1.3 либо непосредственным волеизъявлением народа (в порядке референдума), 1.4 регулирующий важные общественные отношения; 2. нормативные правовые акты в целом.	1.1 Нормативный акт (9), 1.2 в котором зафиксированы права и обязанности граждан (2). 2.1 набор правил и норм (32), 2.2 установленных государством (9), 2.2 их нельзя нарушать (14), 2.3 нарушение наказуемо (4). 3. Рамки, из которых нельзя выходить (3). 4. Социальная сеть юристов (1).

Проведенный дефиниционный эксперимент позволил выявить следующие особенности обыденного толкования юридических терминов.

1. Понятия, которые функционируют в общеупотребительном языке и являются частью обыденного сознания, часто не совпадают с понятиями, употребляемыми в качестве юридических терминов. Например, «закон», «народ», «правительство», «правонарушение», «правосудие», «свобода» как элементы лексической системы языка гораздо шире, чем эти же слова в качестве юридических терминов. В то же время наблюдается и обратная ситуация: такие слова, как «демократия», «гражданин», «собственность», в общеупотребительном языке имеют более узкое значение, нежели юридический термин. Это ложно ориентирует рядового носителя языка, предполагающего, что он точно понимает общеупотребительные слова, являющиеся юридическими терминами.

2. Термины, однозначные с точки зрения юридического толкования, оказываются многозначными для рядового носителя языка. Так, термин «военное положение» в обыденном толковании имеет пять значений: «режим в государстве при возникновении военной угрозы, который характеризуется ограничением свободы людей, введением комендантского часа»; «положение, которое возникает в стране в случае военных действий, требует вмешательства армии»; «военная обязанность, служба в армии»; «свод законов и правил»; «обладание военным знанием». Первое из представленных значений в наибольшей степени приближено к юридическому толкованию данного термина, в то же время оно является вторым по частотности при обыденном толковании. Терминам, как и словам общего употребления, свойственна асимметрия языкового знака, проявляющаяся, в частности, в многозначности. Если в естественном языке она рассматривается как несомненное достоинство, то в терминологических системах оценивается в качестве недостатка.

3. Неразличение и подмена одного юридического понятия другим (Государственная Дума – правительство – Совет Федерации – Федеральное Собрание; военное положение – чрезвычайное положение; право – свобода).

4. Многие семантические признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот, некоторые признаки, вошедшие в нормативное лексикографическое описание, могут быть периферийными, т. е. слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка.

Например, такие семы термина «закон», как «набор правил и норм», «установленных государством», «их нельзя нарушать», значимые для рядовых носителей языка, в лексикографическом значении не зафиксированы. Семы «может привести к гибели человека, порче имущества и т. д.», «за него будет наказание», значимые для обыденного толкования юридического термина «правонарушение», в лексикографическом значении не отражены. Ключевые семы для обыденного значения термина «президент» – «управляет страной», «выбран народом», «является Верховным главнокомандующим» – отсутствуют в нормативном значении. Семы «способность человека действовать в соответствии со своими интересами и желаниями», «отсутствие внешних ограничений, запретов», «независимость человека», «отсутствие контроля»,

наиболее значимые для обыденного значения юридического термина «свобода», в лексикографическом значении не зафиксированы.

Семы «признание верховенства конституции и законов», «политический плюрализм», «неотчуждаемость прав человека», являющиеся сущностными для лексикографического значения термина «демократия», в обыденном толковании не отражены. Ключевые для нормативного толкования семы значения термина «Конституция» – «писанный акт, совокупность актов», «определяют основы общественного строя», «определяют форму правления», «определяют территориального устройства», «определяют основы организации центральных и местных органов власти», «определяют государственную символику и столицу» – отсутствуют в обыденном толковании. Семы «связанность государства конституционным строем», «разделение властей и институт ответственности властей», «независимость судей», «приоритет норм международного права над нормами национального», значимые для лексикографического значения термина «правовое государство, не отражены в толковании рядового носителя языка». Ключевые для нормативного толкования семы значения термина «президент» – «гарант Конституции», «гарант прав и свобод человека и гражданине» – отсутствуют в обыденном толковании.

5. Использование общеупотребительной конкретной лексики вместо абстрактной (человек – физическое лицо, лицо, субъект).

6. Употребление видовых обозначений вместо родовых (квартира, дом, машина, дача – имущество; Единая Россия, ЛДПР – партия; Медведев, Путин – президент; русский – национальность; РФ – государство; слова, действий – свобода; на труд, образование, медицинское обслуживание – право; ураган, землетрясение, наводнение – природные явления; Алтай, Куба – республика).

7. Преобладающей стратегией толкования предложенных юридических терминов является дефиниционная стратегия, направленная на установление соответствия содержания терминов Конституции отображаемой реальности, выявление дифференциальных признаков.

8. Построение как полных дефиниций (гражданин – человек, который проживает на территории страны и обладает правами и обязанностями; законодательство – свод законов, которые необходимо всем соблюдать, за нарушение последует наказание; Конституция – основной закон государства, в котором прописаны права человека), так и неполных дефиниций, содержащих указание на родовой компонент (гражданин – человек; законодательство – свод законов; Конституция – основной закон страны) и видовой компонент (гражданин – у него есть паспорт; законодательство – его нельзя нарушать; Конституция – издана в специальной книжке).

9. В качестве второстепенной стратегии толкования терминов выявлена ассоциативная стратегия, характерным признаком которой является высокая степень субъективности большинства ассоциаций: военное положение – мир, Государственная Дума – власть, государство – мощное, гражданство – паспорт, демократия – свобода, закон – порядок, народ – много, правительство – плохое,

право – на труд, правовое государство – хорошо, правосудие – честность, собственность – дом, чрезвычайное положение – землетрясение и др.

10. При толковании ряда юридических терминов актуализируются мотивированные признаки: военное положение – режим в государстве при возникновении военной угрозы / положение, которое возникает в стране в случае военных действий / военная обязанность / обладание военным знанием; гражданин – имеет гражданство; гражданское общество – общество граждан; законодательство – совокупность законов; национальность – принадлежность человека к определенной нации; правовое государство – граждане обладают правами / государство, которое имеет право на что-либо; правонарушение – действие, которое нарушает права человека; Совет Федерации – собрание стран, входящих в Федерацию.

11. В основе обыденного толкования терминов, обозначающих государственные, властные структуры, лежит метонимический признак «государственный орган – место»: Государственная Дума – место, помещение, где заседают правительство и депутаты, принимаются законы; правительство – здание, где сидят министры; Совет Федерации – место, где происходит решение вопросов, связанных с РФ; таможня – место, через которое провозят какой-либо товар; Федеральное Собрание – дом министров.

12. Для юридического толкования характерно воплощение в емкой структурной форме сложного содержания, поэтому преобладают лаконичные синтаксические конструкции, что приводит к большей концентрированности и обобщенности информации. При обыденном толковании вместо синтетических форм используются развернутые, описательные синтаксические конструкции, отражающие каждый элемент семантики в отдельности (обыденное толкование юридического термина «гражданин» – человек, который проживает на территории определенной страны, имеет права и обязанности; юридическое толкование – лицо, принадлежащее на правовой основе к определенному государству, наделен правами, свободами и обременен обязанностями; обыденное толкование термина «правонарушение» – нарушение правил дорожного движения, которое может привести к повреждению машины, гибели людей; юридическое толкование – деяние, нарушающее какие-либо нормы права; обыденное толкование термина «собственность» – дом, квартира, которыми мы можем пользоваться, распоряжаться; юридическое толкование – имущество, принадлежащее какому-либо субъекту на праве собственности).

В пятом разделе представлены результаты ассоциативного эксперимента. В ответ на вопрос «Какие ассоциации вызывают у Вас данные слова?» мы получили преимущественно ассоциации – продукт произвольной реакции, в этом смысле ассоциации далеки от метаязыковых и логико-понятийных форм ментальной деятельности, но в то же время они являются внешним языковым проявлением признаков-сем, составляющих содержание слова.

В качестве примера приведены реакции на слово-стимул «закон».

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула «закон».

Закон – порядок 3, правила 3, законодательство 2, запрет 2, кодекс 2, право 2, суров 2, человек 2, акт 1, блюсти 1, законодатель 1, исполнение 1, конституция 1, наказание 1, написать 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, норма 1, нормативный акт 1, обсудить 1, ограничение 1, ответственность 1, подписать 1, подчиняться 1, правовой акт 1, преступник 1, регулировать 1, свод законов 1, свод правил 1, сила 1, система 1, система права 1, соблюдать 1, статья 1, строгость 1, толкование 1, управлять 1, устанавливать 1, федеральный 1; 50+40+0.

2. Семная интерпретация ассоциатов.

а) элемент системы права (право 2, законодательство 2, кодекс 2, суров 2, акт 1, законодатель 1, конституция 1, нормативный акт 1, правовой акт 1, свод законов 1, система 1, система права 1, статья 1, строгость 1, федеральный 1); б) закрепляющий нормы, правила поведения (правила 3, норма 1, свод правил 1); в) регулирующий общественные отношения (порядок 3, запрет 2, человек 2, блюсти 1, наказание 1, нарушение 1, нарушить 1, непорядок 1, ограничение 1, ответственность 1, подчиняться 1, преступник 1, регулировать 1, соблюдать 1, управлять 1, устанавливать 1); г) имеет ряд стадий функционирования (исполнение 1, написать 1, обсудить 1, подписать 1, толкование 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в; дальнюю периферию – б, г.

В отличие от дефиниций, полученных в результате первого эксперимента, построенные ассоциативные поля, помимо информационного компонента, включающего минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты предмета или явления, преимущественно содержат оценочный, энциклопедический, утилитарный, регулятивный, социально-культурный компоненты.

Так, оценочный компонент объединяет когнитивные признаки, выражающие отношение говорящего к объекту: военное положение – плохо; Государственная Дума – беззаконие, беспредел; государство – сильное; закон – суров; партия – бесполезные обещания, захватчики власти; правительство – ворюги; таможня – строгая; чрезвычайное положение – очень страшно и др.

Энциклопедический компонент объединяет когнитивные признаки, требующие знакомства с предметом на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом: Государственная Дума – Жириновский, Валуйев; государство – Россия, Путин; демократия – Афины; конституция – США; партия – Единая Россия, ЛДПР; правительство – Кремль, Москва; право – ГК; президент – Путин, Медведев, дзюдо, олимпиада; республика – СССР, Куба.

Утилитарный компонент объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для практических целей: военное положение – защита; Государственная Дума – улучшает страну; гражданство – дает право жить, где родился; закон – порядок; Конституция – принимать; партия – руководить; право – человеку можно претендовать на что-либо; референдум – поправки в Конституцию и др.

Регулятивный компонент объединяет признаки, предписывающие, что надо делать: законодательство – надо знать и соблюдать; Конституция – надо знать всем, правовое государство – к такому надо стремиться, правонарушение – казнить, нельзя помиловать!; республика – надо за нее бороться.

Социально-культурный компонент объединяет когнитивные признаки, связанные с бытом и культурой народа: традициями, деятелями литературы и искусства и т.д.: государство – Государство, будь человеком!; гражданин – Маяковский, Советского Союза; правосудие – «Человек и закон».

Отношения между структурными компонентами ассоциативного поля и его содержанием не симметричны. Информационное содержание и эмоционально-оценочный, энциклопедический, утилитарный, регулятивный, социально-культурный компоненты распределяются по разным участкам построенного ассоциативного поля, отсутствует жесткая закреплённость структурных компонентов за определенными полевыми зонами.

Среди обозначенных компонентов заметно доминирует утилитарный компонент, что обусловлено особой практической направленностью и значимостью функционирования юридической терминологии, правовых текстов и права в целом. Также одну из ведущих позиций занимает энциклопедический компонент, что связано с активным взаимодействием правовой сферы с другими сферами жизни человека и общества.

Кроме того, характерной чертой построенных ассоциативных полей является сосуществование в них противоречащих друг другу когнитивных признаков: военное положение – война и мир, союзники и враги; Государственная Дума – закон и беззаконие; гражданство – дать, получить и лишить; закон – блюсти и нарушение, нарушить; закон – запрет, ограничение и право; законодательство – нарушение и подчиняться, соблюдать; правительство – воруи, вранье, ложь, подвох и ответственность; право – «можно» и ограничивать; правонарушение – закон и беззаконие; правосудие – безнаказанность и наказание; республика – автономная, независимость и объединение, подчинение; суверенитет – независимость, независимое государство и зависимое, колонии, рабство и др.

Проведенные дефиниционный и ассоциативный эксперименты показали, что набор обыденных метаязыковых дефиниций и ассоциативное поле одного и того же юридического термина имеют как зону пересечения, связанную с тем, что дефиниция и ассоциация являются формами экспликации содержания данного слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания.

Дефиниционная стратегия толкования слова направлена на установление соответствия содержания юридического термина отображаемой реальности. В процессе толкования происходит расчленение эксплицируемого содержания и перечисление его признаков. Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными.

Противоположной линии усиления гносеологичности является тяготение к бессознательным формам экспликации содержания юридических терминов.

Прежде всего это касается ассоциативных форм, полученных нами в результате свободного ассоциативного эксперимента. Если ответы-дефиниции стремятся к понятийному статусу содержания, то ассоциации в большей степени связаны с чувственными формами мышления, их субстратной основой является целостный образ. Отличие понятия от представления состоит именно в форме и способе отражения признаков предмета и явления (расчлененное на признаки знание о предмете или нерасчлененная чувственно-наглядная форма), а не в том, какие признаки в них отражаются – существенные или несущественные. Ассоциативная стратегия направлена на соотнесение предмета с признаком, свойством, действием, но при ее использовании не предполагается актуализация дифференциальных признаков термина, акт ассоциирования – целостный.

Дефиниционная стратегия ориентирована прежде всего на отражение определенных шаблонов, типовых ситуаций, которые известны большинству говорящих, ассоциативная стратегия обращена к индивидуальным, субъективным представлениям (хотя в процессе ассоциирования тоже имеются стандарты).

Как уже отмечалось ранее, в результате дефиниционного эксперимента в качестве второстепенной стратегии толкования юридических терминов была выявлена ассоциативная стратегия. В свою очередь, дефиниционная стратегия проявляется в результатах ассоциативного эксперимента: Государственная Дума – собрание людей, пишущих законы; гражданское общество – общество, в котором люди имеют права, соблюдают свод законов и правил; демократия – участие в политической жизни простых людей; право – возможность высказывать свое мнение и воплощать идеи в действия; правовое государство – государство, в котором защищаются права граждан и юридических лиц.

Проведенные дефиниционный и ассоциативный этапы лингвистического эксперимента свидетельствуют о том, что при обыденном толковании проявляется вариативность содержания юридических терминов. Определения, данные терминам Конституции в результате обыденного толкования, далеко не всегда совпадают с нормативным вариантом. Отличия выявлены в количестве значений (слово в сознании носителей языка имеет больше значений, чем это зафиксировано в словаре и наоборот), количестве сем (многие семантические признаки реального значения в лексикографическом значении не отражены и наоборот), иерархии ядерных и периферийных признаков (признаки, значимые для одного вида толкования, оказываются несущественными или вообще отсутствуют в другом) и др. Отметим также, что в реальном значении юридических терминов, помимо наиболее существенных, отличительных черт предмета или явления, содержатся оценочный, энциклопедический, утилитарный, регулятивный и социально-культурный компоненты.

Кроме того, обыденное толкование характеризуется множественностью форм репрезентации содержания юридических терминов. В качестве таких форм выступают полученные от рядовых носителей языка дефиниции, тяготеющие к рационально-логическому, понятийному статусу содержания, и ассоциации, основой которых является целостный образ, представление. Данные формы не являются изолированными и взаимоисключающими, в

обыденном сознании они тесно связаны, дополняют друг друга, образуя непрерывное пространство – интерпретационное поле. Его ядро составляют смысловые версии, оформленные в виде вариативных ассоциаций, периферию – дефиниционные интерпретации, что обусловлено особенностями обыденного сознания и вытекающей из них спецификой обыденного толкования.

Вариативность функционирования юридических терминов в обыденном сознании проявляется и в использовании различных стратегий толкования. Толкование широко известных, распространенных юридических терминов осуществляется преимущественно с использованием дефиниционной стратегии. Это обусловлено наличием общей, известной рядовым носителям языка информации о денотате, что позволяет определить денотат как элемент общего класса, вида и обозначить его дифференциальные признаки. В содержании толкования – репрезентируемом денотате и наборе дифференциальных признаков – проявляется вариативность интерпретационного результата.

При толковании юридических терминов, агнонимичных с точки зрения рядовых носителей языка, преобладает ассоциативная стратегия толкования. Одной из причин является недостаточное знание говорящим того понятия, с которым соотносится такой термин, отсутствие четкого соотнесения слова с денотатом, что приводит к редукции родо-видовых признаков, вследствие чего появляется возможность выхода за пределы рационально-логического дефинирования обозначаемого словом понятия и использования чувственных форм, целостного образа.

Дефиниционная и ассоциативная стратегии при обыденном толковании взаимосвязаны и взаимообусловлены. Задание в экспериментальных анкетах изначально было сформулировано таким образом, чтобы предопределить использование определенной стратегии толкования. Однако полученные ответы свидетельствуют об отсутствии четких границ между данными стратегиями, предложенные вопросы не предопределили в полной мере использование конкретной стратегии. Так, при ответе на вопрос о значении терминов в качестве второстепенной стратегии выявлена ассоциативная стратегия, и наоборот, дефиниционная стратегия – при ответе на вопрос об ассоциациях.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сделаны выводы и обозначены перспективы дальнейшего развития данной темы.

Проведенный нами лингвистический эксперимент с участием рядовых носителей русского языка подтвердил общую гипотезу о специфическом преломлении юридического языка в обыденном функционировании и частную (специальную) гипотезу настоящего исследования о том, что преобладание в обыденном толковании чувственного начала способствует расширению интерпретационного поля, что проявляется в смысловой вариативности, множественности форм репрезентации содержания юридических терминов (понятие и представление, дефиниция и ассоциация, лексикографическое/нормативное и реальное значение), а также в разнообразии используемых стратегий толкования (дефиниционная и ассоциативная). Такие

проявления стали непосредственным объектом описания в диссертационном исследовании.

Перспективой исследования является изучение обыденного толкования юридических терминов в контексте отдельных статей закона, выявление общих закономерностей языкового толкования права. Также планируется создание Словаря обыденного толкования специальной лексики, один из разделов которого будет посвящен обыденному толкованию юридических терминов.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

Коллективная монография

1. Воробьева, М.Е. Словарь обыденных толкований русских юридических терминов / Н.Д. Голев, М.Е. Воробьева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 297–305 (0,56 п.л.).

Авторские статьи в словаре

2. Авторские словарные статьи // Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. – Т. 1: А–М (Абрикос–Муравей) (478 слов-стимулов) / под ред. Н.Д. Голева; авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев и др. / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012. – С. 60–133 (4,63 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах,

включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

3. Воробьева, М.Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) / М.Е. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 35–41 (0,88 п.л.).
4. Воробьева, М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка / М.Е. Воробьева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 3 (47). – С. 174–181 (1,0 п.л.).
5. Воробьева, М.Е. Юридическая терминология: системноцентрический и антропоцентрический подходы / М.Е. Воробьева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54). – Т. 1. – С. 183–186 (0,5 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов,

материалах международных конференций

6. Воробьева, М.Е. Закономерности «обыденнизации» юридических терминов / М.Е. Воробьева // Образование, наука, инновация – вклад молодых исследователей: материалы V (XXXVII) Международной научно-практической конференции / Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: ООО «ИНТ». – 2010. – Вып. 11. – Т. 1. – С. 416–417 (0,25 п.л.).
7. Воробьева, М.Е. Вариативность интерпретации в обыденном метаязыковом сознании / М.Е. Воробьева // Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 379–381 (0,19 п.л.).

8. Воробьева, М.Е. Интерпретация юридических терминов в сфере обыденной коммуникации / М.Е. Воробьева // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010. – С. 35–38 (0,25 п.л.).
9. Воробьева, М.Е. Обыденное толкование права / М.Е. Воробьева // Современные научные парадигмы языка, литературы, юридической лингвистики и документоведения: материалы I Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2010 г. – Луганск: Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко». – С. 153–155 (0,19 п.л.).
10. Воробьева, М.Е. Обыденное толкование права как проблема вариативности интерпретации текста и слова (на материале семантизации юридических терминов рядовыми носителями русского языка) / М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев // Труды Международного Форума по проблемам науки, техники и образования / под ред. В.А. Малинникова, В.В. Вишневого. – М.: Академия наук о Земле, 2010. – С. 37–39 (0,38 п.л.).
11. Воробьева, М.Е. Обыденное функционирование юридических терминов / М.Е. Воробьева // Современные научные парадигмы языка, литературы, юридической лингвистики и документоведения: материалы II Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2011 г. – Луганск: Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко». – С. 217–219 (0,19 п.л.).
12. Воробьева, М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании (на материале семасиологического эксперимента) / М.Е. Воробьева // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под. ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2010. – С. 445–453 (0,56 п.л.).
13. Воробьева, М.Е. Юридические термины в обыденном сознании (лингвистическое исследование) / М.Е. Воробьева. – Saarbrücken, Germany: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 87 с (5,44 п.л.).